

A romantic autumn scene in a park. The ground is covered in fallen red and orange leaves. A black park bench sits on a path. Several street lamps with glowing yellow light are scattered throughout the scene, creating a warm, hazy atmosphere. The trees are filled with vibrant autumn foliage.

В

**изысканно - изломанной
манере...**

Максим Аржаков

Стихи

Максим Аржаков В изысканно- изломанной манере...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17195879
Максим Аржаков. В изысканно-изломанной манере...*

Аннотация

В изысканно-изломанной манере
Склонюсь над вашей рукой, мадам.
Плесну в бокал изящно-терпкий sherry
И туберозу уроню к ногам.
В табачно-дымный сумрак ресторана
Я брошу хрипло-сдавленно – «Прости...»
Взгляну вокруг рассеянно и странно
И удалюсь по Млечному пути.
Оставлю вам на память этот вечер,
Надсадно стонущий таксомотор Renault
И гениально-путанные речи
И освещённо-жадущее окно...

Содержание

«В изысканно-изломанной манере...»	4
Декадентка	10
Зимняя прогулка с Эдгаром По	12
Вересковая пустошь. Осень	15
Spirit of autumn	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Максим Аржаков В изысканно- изломанной манере...

«В изысканно- изломанной манере...»

*По улице томно-вечерней
В каверне
Рессорной пролетки с откиннутым верхом
Взлетающим стержнем...
Сквозь краткий Серебряный Век*

Без...

I

В изысканно-изломанной манере
Склонюсь над вашей рукой, мадам.
Плесну в бокал изящно-терпкий *sherry*
И туберозу уроню к ногам.

В табачно-дымный сумрак ресторана
Я брошу хрипло-сдавленно – «Прости...»
Взгляну вокруг рассеянно и странно
И удалюсь по Млечному пути.

Оставлю вам на память этот вечер,
Надсадно стонущий таксомотор *Renault*
И гениально-путанные речи
И освещённо-ждущее окно...

II

Прогулки без воли... Прогулки без цели...
Рассеянность... Грёзы... Сознание туманно...
Осенние песни бульвары мне пели,
Струясь по Москве прихотливо и плавно.

А вечер, сгущаясь до тёмности ночи,
Лениво брёл следом, дыша мне в затылок.
Аллеи качали туманные ключья,
И в небе луна желтоглазая стыла.

Опавшие листья, кружась в стиле ретро,
Желтили уже засыпающий город.
И капли с ветвей, потревоженных ветром,
Ознобно и вяло стекали за ворот.

III

Вольные ветры-скитальцы
Гнали туман голубой...
Переплетя наши пальцы,
Шли мы обманной тропой.

Слушали леса шептанье,
Вздохи болот вдалеке,
Диких гусей гоготанье,
Шум камышей на реке.

«Может, пора нам проснуться?
Всеуе пустые мечты.
Может быть, стоит вернуться?»
«Нет!» – отвечала мне ты.

«Пусть этот путь иллюзорен...
Милый! Сомнения прочь!
Будь только смел и покорен.
Я приглашу тебя в ночь.

В ночь, что течёт звёздно-млечно
Из дальних северных стран,
Что узаконит беспечно

Этот красивый обман...

В ночь, что тиха и прозрачна
Этой нездешней красой...
Что молчалива и мрачна,
Что нас омоет росой.

В ночь, что таит в себе вечность,
Что сквозь туман голубой
Нас уведёт в бесконечность
Этой обманной тропой...»

IV

На блеклую луну похожий
Фонарь не в силах темноту
Преодолеть. Ночной прохожий
Бросает тело в пустоту,

В излом глухого переулка,
Стекающего в глубь веков.
И бьется в стены зло и гулко
Чечеточная дробь шагов.

Ночной прохожий – вечный странник,
Случайно выпивший до дна,

Ту, для которой он избранник,
Ту, что застыла у окна

Осевше-углового дома,
Ту, для которой вечный крест
Ночами слушать, как знакомо
Поет ступенями подъезд.

К которой эхом переулка
Спешит он сквозь ночную топь.
Ту, для которой бьет он гулко
Шагов чечеточную дробь.

Взаимное предназначенье —
Предначертание богов...
Печальное ночное пенье
Сердец, ступеней и шагов.

Но вновь с завидным постоянством
Волхвы не им несут дары —
Разъяты временем-пространством
Их параллельные миры.

И снова ночь... И снова то же...
И снова те же... Тот и та...
Дом... Силуэт в окне... Прохожий...
Фонарь не в силах... Пустота...

V

Черным бархатом в блестках
Застелён небосклон.
По глазам я отхлестан
Разноцветьем окон.

Расступись, ночь шальная, —
В безотрадном бреду
Я сегодня из рая
Потихоньку уйду.

Мне сегодня нет мочи
От разлива луны.
Отчего же средь ночи
Мы так жутко умны.

И жестоко ночь дразнит,
Что все было лишь сон,
Что под утро погаснет
Разноцветье окон.

Декадентка

Двадцатый май ещё в начале...
Купальной блузы белый бант.
На ялтинском морском причале
Сигару курит стройный фронт.

Поэзы. Ночи. Гимназисты
Разочарованно-томны.
Румяны, крепки и речисты,
Плечисты и утомлены.

Ах, сколько счастья обещает
Весенний, светлый гардероб.
Двадцатый май, смеясь, прельщает
Таинственностью навших троп.

Как ново, как безумно-пьяно...
Стихи, прогулки, вечера...
И интересничают пряно,
Пресытятся жизнью, юнкера.

Ах, как остры мечты о смерти —
Изящность модной пустоты —
Среди курортной круговерти,
Среди весёлой суеты.

Как упоительно ликует
Весна, когда нам двадцать лет...
С эстрады нервно грассируёт
Больной, чахоточный поэт.

Двадцатый май лучист и ясен...
И первый выход в ресторан.
И он, конечно, не опасен,
Вчерашний приторный дурман.

Двадцатый май уж на исходе.
Полдненным зноем сад объят.
В крови неслышно, тихо бродит
Густой, тягучий, сладкий яд.

Двадцатый май... Клубясь, играют
Потоки солнца меж портьер...
А пальцы хрупкие сжимают
Тяжёлый папин револьвер.

Двадцатый май... Трескуче штора
В паденье сорвана с гардин.
А у чернильного прибора
Дорожкой белой кокаин.

Зимняя прогулка с Эдгаром По

День январский был морозен,
Тих, обычен и морозен.
Но когда за кромкой сосен,
Тёмных и обычных сосен
Отблески его сокрылись,
Сумерки вокруг сгустились.

И подёрнули печальным
Светом, странным и печальным,
Зимний мир, досель реальный.

Это было в парке зимнем,
Опустевшем парке зимнем.
Там, где брёл аллеей длинной,
Запорошенной и длинной
Вечер, кутаясь в астральный
Свет, размытый и печальный.

И дрожали робко тени,
Уносились робко тени
В мир фантазий и видений.

Это было в парке странном,
Очарованном и странном,

В мире призраков обманном,
Нереальном и обманном,
Где в мерцании прозрачном
Дом застыл виденьем мрачным.

В дымке призрачного света,
Лунного слепого света,
В мире, сумраком одетом.

Это был приют забвенных,
Безвозвратных и забвенных,
Где среди покоев тленных,
В залах сумрачных и тленных,
В блёстках инея хрустальных
Вился сонм теней печальных.

Безучастных и унылых,
Тусклый сонм теней унылых —
В сумерках седых и стылых.

Это был приют безмолвный,
Отрешённый и безмолвный.
Дом, теней и скорби полный,
Безутешной скорби полный,
Что застыл в аллее дальней
Одинокий и печальный.

В парке сумрачном и странном,
Опустевшем парке странном,

В царстве сумерек туманном.

Вересковая пустошь. Осень

Тис, сосна, торфяник, вереск,
Дрок, болото, буерак.
Дом, камин, фисташки, херес,
Трубка, спички и табак.

Вечер, сумрак, утомлённость.
Дым, гравюры, тень руки.
Карандаш, блокнот, бессонность,
Свечи, книги и стихи.

Ночь, луна, сон, пробужденье.
Страх, шаги на чердаке.
Мысли, крысы, привиденья
И паук на потолке.

Утро, кофе, сигарета.
Кухня, счастье, дождь, туман.
Дверь, веранда, муть рассвета,
Палисад, цветы, дурман.

Осень, солнце и ненастность.
Жёлтость, жухлость, пустошь, даль.
Радость, лёгкость, безучастность,
Отрешённость и печаль.

Камни, топи, инферальность.
Повседневность, колдовство.
Нереальность и реальность,
Мистика и естество.

Spirit of autumn (after George Inness)

В дебрях и чашах седого Гудзона
Вечером поздним и осенью поздней
Жёлтость и сумрак сплелись прихотливо,
Трогая сердце отрадной печалью.

Трогая сердце ледком на озёрах,
Шёпотом их камышей прибережных,
Дальним селеньем, затянутым дымкой,
Тихим шуршаньем листвы под ногами.

В этом пространстве отрадной печали
Духи витают в осенних одеждах,
Сотканных из потемневших деревьев,
Шума плотины, игры листопада.

Сотканных из уходящего лета,
Близкой зимы, туч унылых и низких,
Стада овец, торопящихся к хлеву,
Жара и дыма голландских каминов,
Запаха пива и тёплого хлеба,
Скрежета флюгера ратуши старой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.